

Очередное, уже четвертое издание базы данных «Жертвы политического террора в СССР» выходит в год 70-летия Большого террора – кампании самых жестоких и массовых убийств в отечественной истории. Тогда в течение двух лет (1937–1938) по политическим обвинениям было арестовано более 1 миллиона 700 тысяч человек и не менее 725 тысяч из них были расстреляны – в среднем государство ежедневно убивало тысячу своих граждан. Но Большой террор – это лишь одна, хоть и наиболее кровавая террористическая кампания советской власти. В несколько меньших масштабах, с меньшей жестокостью подобные преступления совершались на протяжении всех семидесяти лет – с самого октябрьского переворота, 90-летие которого падает на те самые дни, когда выходит в свет наш диск.

Казалось бы после избавления от коммунистического режима у наших народов нет более важной задачи, чем разобраться в причинах и осознать масштабы постигшей нас катастрофы – не чумы, не морового поветрия, а гуманитарного бедствия, сотворенного собственными руками. Необходимым условием выполнения этой задачи является восстановление в полном объеме памяти о терроре, подробности которого десятилетиями скрывались и замалчивались. И, в частности, – увековечение памяти жертв.

Такая работа действительно ведется в течение уже почти двух десятилетий. Результаты, однако, не слишком утешительны.

Вместо памятников жертвам политических репрессий, которые предполагалось воздвигнуть, в большинстве случаев по-прежнему стоят закладные камни, установленные еще на рубеже 1980–1990-х годов.

Не создан в России общенациональный Музей политических репрессий. А в экспозициях региональных историко-краеведческих музеев теме репрессий если и уделено какое-то место, то, как правило, самое незначительное.

На мемориальных досках, установленных в честь тех наших выдающихся сограждан, которые были расстреляны или погибли в лагерях, отсутствуют любые упоминания об их трагической смерти.

Выявлена и отмечена памятными знаками лишь малая часть мест массовых захоронений казненных. А тысячи кладбищ возле когдатюшних лагерей и трудпоселков утрачены безвозвратно: они превратились в пустыри, распаханы, заросли лесом, на их месте выстроены новые жилые массивы или промышленные комплексы. До сих пор миллионы людей не знают, где зарыты их родители, деды и прадеды.

Но, пожалуй, самый важный из не отданных нами долгов – это имена жертв.

Нам было завещано «всех поименно назвать». Задача эта и сегодня далека от исполнения.

В разных регионах бывшего Советского Союза готовят и издают Книги памяти жертв политических репрессий. Основное содержание этих книг – краткие биографические справки о расстрелянных, отправленных в лагеря, насильственно депортированных в трудпоселки, мобилизованных в трудармии. Эти справки нужны сотням тысячам людей и в нашей стране, и в других странах мира, где живут наши соотечественники, для того, чтоб найти хоть какие-то сведения о судьбах родственников. Они нужны историкам, краеведам, учителям, журналистам. Но даже если биография человека включена в какую-то из Книг памяти, об этом очень трудно узнать: такие книги издаются обычно маленьким тиражом (от 100 до 1000 экземпляров) и в продажу почти не поступают. Даже в главных библиотеках России нет полного комплекта изданных мартирологов.

Для того чтобы сохранить память о жертвах и помочь людям восстановить историю их семей, Общество «Мемориал» в 1998 г. приступило к созданию единой базы данных, сводя вместе информацию из региональных Книг памяти, уже вышедших в свет или только подготовленных к изданию. Результаты этой работы, допол-

ненные информацией из ряда других источников, и составляют основное содержание настоящего электронного издания.

Чтобы было понятно, чьи имена могут встретиться на этом диске, напомним об основных, наиболее массовых категориях жертв политических репрессий в СССР.

I. Первая массовая категория – люди, арестованные по политическим обвинениям органами государственной безопасности (ВЧК–ОГПУ–НКВД–МГБ–КГБ) и приговоренные судебными или квазисудебными (ОСО, «тройки», «двойки» и т.п.) инстанциями к смертной казни, к разным срокам заключения в лагерях и тюрьмах или к ссылке.

По различным предварительным оценкам, за период с 1921 по 1985 г. в эту категорию попадает от 5 до 5,5 миллиона человек. На нашем диске данная категория репрессированных представлена наиболее широко – их здесь около полутора миллионов.

Чаще всего в Книги памяти, а значит, и в нашу базу данных включались сведения о людях, пострадавших в период 1930–1953 гг. Это объясняется не только тем, что в данный период осуществлялись наиболее массовые репрессивные операции, но и тем, что процесс реабилитации, начатый в хрущевскую эпоху и возобновившийся во время перестройки, в первую очередь коснулся жертв именно сталинского террора, и прежде всего – жертв террора 1937–1938 гг.

Менее полно в базе данных отражены жертвы репрессий более раннего, до 1929 г., периода. Самые же ранние репрессии советской власти, относящиеся к 1917–1918 гг. и эпохе Гражданской войны, документированы настолько фрагментарно и разноречиво, что даже их масштабы пока не установлены. Да и вряд ли вообще могут быть сделаны корректные оценки статистики «красного террора»: в этот период нередко имели место массовые бессудные расправы с «классовыми врагами», что, естественно, никак не фиксировалось в документах. Цифры, называемые в литературе, колеблются от 50–100 тысяч до более миллиона человек.

Политзаключенные, получившие свои сроки после смерти Сталина и окончания массового террора, если и представлены в некоторых Книгах памяти, то лишь фрагментарно. К сожалению, по техническим причинам нам удалось подготовить к настоящему изданию лишь около половины собранных НИПЦ «Мемориал» (Москва) сведений о политических репрессиях 1953–1985 гг. – это около пяти тысяч справок о политзаключенных новейшего периода.

II. Другая массовая категория репрессированных по политическим мотивам – крестьяне, административно высланные с места жительства в ходе кампании «уничтожения кулачества как класса».

Всего за 1930–1933 гг., по разным оценкам, вынужденно покинули родные деревни от 3 до 4,5 миллиона человек. Меньшая часть из них были арестованы и при-

говорены к расстрелу или к заключению в лагерь. 1,8 миллиона стали «спецпоселенцами» в необжитых районах Европейского Севера, Урала, Сибири и Казахстана. Осетальных лишили имущества и расселили в пределах своих же областей. Кроме того, множество крестьян бежали из деревень в большие города и на индустриальные стройки, спасаясь от репрессий, коллективизации и массового голода, ставшего последствием сталинской аграрной политики и унесшего, по разным оценкам, жизни от 6 до 9 миллионов человек.

III. Третья массовая категория жертв политических репрессий – народы, целиком депортированные с мест традиционного расселения в Сибирь, Среднюю Азию и Казахстан. Наиболее масштабными эти административные депортации были во время войны, в 1941–1945 гг. Одних выселяли превентивно, как потенциальных пособников врага (корейцы, немцы, греки, венгры, итальянцы, румыны), других обвиняли в сотрудничестве с немцами во время оккупации (крымские татары, калмыки, народы Кавказа). Общее число высланных и мобилизованных в «трудовую армию» составило до 2,5 миллиона человек (см. таблицу). На сегодняшний день почти нет Книг памяти, посвященных депортированным национальным группам. В качестве редких примеров можно назвать Книгу памяти калмыцкого народа, составленную не только по документам, но и по устным опросам, и Книгу памяти, выпущенную в Кабардино-Балкарской Республике.

Национальность	Год депортации	Количество высланных средняя оценка
Корейцы	1937–1938	172 000
Немцы	1941–1942	905 000
Финны, румыны, другие национальности союзных с Германией государств	1941–1942	400 000
Калмыки	1943–1944	101 000
Карачаевцы	1943	70 000
Чеченцы и ингуши	1944	485 000
Балкарцы	1944	37 000
Крымские татары	1944	191 000
Турки-месхетинцы и другие народности Закавказья	1944	100 000
Итого:		2 461 000

Кроме этих крупных консолидированных потоков в разное время имели место многочисленные политически мотивированные депортации отдельных национальных и социальных групп, в основном из пограничных регионов, крупных городов и «режимных местностей». Представители этих групп, общее число которых установить крайне сложно (по предварительной оценке с начала 1920-х по начало 1950-х годов – более 450 тысяч человек), довольно редко попадают в Книги памяти.

То же можно сказать о приблизительно 400 тысячах депортированных в 1939–1941 гг. с «новых территорий» – из Эстонии, Латвии, Литвы, Западной Украины, Западной Белоруссии, Молдавии. В нашем издании около 100 тысяч имен этих людей – в основном эти имена выявлены в результате работы Польской программы Общества «Мемориал». Если же говорить о послевоенных депортациях с этих территорий, то, к сожалению, на нашем диске имен этих людей совсем мало.

Общее число лиц, подвергшихся репрессиям не в судебном (или квазисудебном), а в административном порядке, составляет 6,5–7 миллионов человек. На нашем диске размещены справки приблизительно на миллион из них – в основном на «спецпоселенцев» из числа раскулаченных крестьян и представителей народов, подвергшихся тотальной депортации. Конечно, это небольшая часть от общего числа тех, кто прошел через ад трудпоселков, спецпоселений, трудармий, высылки – всего того, что скромно именуется «административными репрессиями».

Говоря об иных категориях населения, подвергшихся политическим преследованиям и дискриминации, нельзя забывать и о сотнях тысяч людей, лишенных гражданских прав за «неправильные» профессии или социальное происхождение (лишь в Новгородской области в Книгу памяти включена такая категория репрессированных, как «лишенцы»), и о бессудно расстрелянных при подавлении крестьянских восстаний в 1920-е, о расстрелянных без приговоров в тюрьмах в 1941-м, и о расстрелянных на фронте в годы войны по приговорам Особых отделов, о репатриантах (в основном бывших «остарбайтерах» и военнопленных), принудительно работавших в фильтрационных лагерях, и о многих, многих других. Все они лишь в самой малой степени представлены на нашем диске.

Сравнивая 2,6 миллиона справок, собранных нами сегодня, с осторожными и умеренными общими статистическими оценками, мы приходим к печальному выводу: по самым оптимистическим расчетам получается, что нам удалось объединить на нашем диске имена примерно 20 процентов от общего числа жертв государственного террора в СССР. (Говоря об общем числе жертв, мы исходим из трактовки этого термина, вытекающей из Закона РФ «О реабилитации жертв политических репрессий» от 18.10.1991.)

Так выглядит итог многолетней работы по собиранию имен, результат работы многих людей во многих регионах. Таков разрыв между статистикой террора и персональной памятью о его жертвах.

А ведь кроме бесспорных жертв политического террора, чьи имена уже оказались или, несомненно, рано или поздно окажутся на страницах Книг памяти, были еще миллионы людей, осужденных за разные незначительные «уголовные» преступления и дисциплинарные проступки. Традиционно их не считают жертвами политических репрессий, хотя многие репрессивные кампании, которые проводились силами милиции, имели явно политическую подоплеку. Судили за нарушение паспортного режима, за бродяжничество, за «самовольный уход» с места работы (перемену места работы); за опоздание, прогул или самовольную отлучку с работы; за нарушение дисциплины и самовольный уход учащихся из фабричных и железнодорожных училищ; за «дезертирство» с военных предприятий; за уклонение от мобилизации для работы на производстве, на строительстве или в сельском хозяйстве, и т.д., и т.п. Наказания при этом, как правило, были не слишком тяжелыми – зачастую осужденных даже не лишали свободы. Трудно подсчитать число людей, которых постигли эти «мягкие» наказания: только с 1941 по 1956 г. осуждено не менее 36,2 миллиона человек, из них 11 миллионов – за «прогулы»! Очевидно, что главная цель всех этих карательных мер – не наказать конкретное преступление, а распространить систему принудительного труда и жесткого дисциплинарного контроля далеко за границы лагерей и спецпоселений (в терминологии самой власти это и значило «установить твердый государственный порядок»).

Из сказанного ясно, что в деле восстановления памяти о людях, о каждом в отдельности, мы все еще в начале пути. Данное издание является заметным, но не решающим продвижением к цели. Главная работа по-прежнему впереди.

На нашем диске собраны сведения почти из всех вышедших на русский язык Книг памяти, а также большой объем сведений, не опубликованных до сих пор. Тем не менее данные, представленные на этом диске, настолько неполны, что уместно говорить даже не о неполноте, а о фрагментарности. Причин тому несколько.

Во-первых, на этом диске отражены в основном репрессии, осуществлявшиеся на территории России (около 90% справок). Данные, полученные нами из Казахстана, содержат в общей сложности около 100 тысяч имен, из Белоруссии – примерно 80 тысяч. Это весьма заметная часть от общего числа репрессированных в судебном или квазисудебном порядке в этих республиках. Украина представлена очень фрагментарно: нам удалось получить оттуда всего около 40 тысяч справок (в основном из Одесской области и в очень небольшой степени из Харькова и Мариуполя) – цифра, конечно, совершенно несопоставимая с общим масштабом репрессий на территории Украины. Фрагментарны и сведения по еще двум республикам: Киргизия – около 12 тысяч справок, Узбекистан – около 8 тысяч. К сожалению, в обоих случаях справки эти не слишком информативны. Данные по остальным бывшим союзным республикам на диске не представлены вовсе.

Мы не имели возможности включить в единую базу данных целый ряд Книг памяти, изданных за пределами России. В частности в Литве, Латвии, Эстонии, на Украине, в Молдове тщательно подготовленные издания, содержащие перечни имен репрессированных (в общей сложности несколько сотен тысяч) выпускаются на государственных языках этих стран, что вполне естественно. Однако, к сожалению, русское написание имен не приводится, несмотря даже на то, что имена и биографические данные, как правило, взяты из делопроизводства репрессивных ведомств, которое велось преимущественно на русском языке. Включение же в общую базу неизбежно неточного обратного перевода имени и фамилии, не совпадающего с тем, что зафиксировано в официальных документах, сводит поисковую ценность этих справок к нулю.

К сожалению, в деле увековечения памяти жертв репрессий отсутствует какая бы то ни было межгосударственная координация.

При этом мы знаем, что в странах Балтии, на Украине, в Казахстане существуют серьезные государственные программы по сохранению памяти о жертвах политического террора, и в некоторых из них (Латвия, Литва, Эстония) составление перечней имен жертв террора уже завершено или близится к завершению. С другой стороны, нам ничего не известно о какой-либо работе по восстановлению имен репрессированных в Грузии, Армении, Азербайджане, Таджикистане и Туркмении. Полагаем, что до тех пор, пока во всех странах, некогда входивших в Советский Союз, не будет разработана на межгосударственном уровне совместная международная программа исследований истории политического террора и увековечения памяти жертв, невозможно будет говорить и о составлении сколько-нибудь полного именованного перечня.

Во-вторых, и в России, и в некоторых других странах бывшего Советского Союза создание Книг памяти тесно связано с процессом юридической реабилитации пострадавших от политических репрессий. А в этом процессе возникали и возникают свои трудности. Огромный объем работы подталкивал сотрудников различных отделов реабилитации к тому, чтобы заниматься вначале «несомненными» случаями, подлежащими реабилитации по формальным признакам, независимо от содержательной стороны обвинения, то есть реабилитацией лиц, осужденных по ст.58–10 («контрреволюционная пропаганда и агитация»). Все остальные случаи нередко откладывались в сторону, становясь делами «второй очереди», если, конечно, не было проявлено какой-то инициативы со стороны заинтересованных лиц. Делами «второй очереди» становились также те, где фигурировали обвинения по нескольким статьям Уголовного кодекса – по 58-й в сочетании с другими, например, служебно-должностными, воинскими и т.п. статьями. К тому моменту, когда по этим делам, во всяком случае по значительной их части, процедура реабилитации была произведена (2002–2005 гг.), Книги памяти во многих регионах уже были изданы и результаты

реабилитационного процесса 2000-х годов в эти Книги не попали. Соответственно нет их и на нашем диске. Но дело даже не только в этом. Мы с уверенностью утверждаем, что процесс реабилитации, который в России недавно поспешили объявить практически завершенным, еще далеко не завершен. Лакуны в деле реабилитации возникают в связи с политическими репрессиями Гражданской войны, с делами участников крестьянских волнений, периодом Отечественной войны, лагерным сопротивлением. Значительные лакуны предопределены и недостатками самого российского закона о реабилитации, в том числе нечеткостью, размытостью некоторых его формулировок.

Однако едва ли не самым существенным является то, что сам факт реабилитации совершенно не означает автоматического попадания имени реабилитированного ни в Книгу памяти, ни в какую-либо общедоступную базу данных, ни в публикуемые в некоторых газетах перечни имен жертв репрессий. Реабилитационное определение подшивается к следственному делу, сведения о том, что реабилитация состоялась, если кому-то и сообщаются, то только родственникам реабилитированного (если реабилитация была предпринята по их заявлению), имя реабилитированного остается в архивах, по большей части недоступных.

В-третьих, в России процесс подготовки и издания региональных Книг памяти остается делом самих регионов. В стране не существует государственной программы увековечения памяти жертв политических репрессий. Нет никакого федерального нормативного акта, предписывающего готовить и издавать Книги памяти, не разработана единая методика и общие критерии отбора. Поэтому в деле подготовки этих книг царит полный разноряд. Где-то такие книги готовят и издают местные администрации или отдельные ведомства, так или иначе связанные с проблемой реабилитации (региональные комиссии по восстановлению прав жертв, региональные органы ФСБ, прокуратуры и т.д.), где-то – научные и культурно-просветительные организации, где-то издание осуществляется исключительно силами общественности, при минимальной поддержке региональной власти или вовсе без таковой.

Все это создает огромные «географические» лакуны в деле увековечения имен.

В Коми, например, работа по выпуску Книг памяти приобрела характер серьезной республиканской государственной программы; здесь выпущено уже восемь фундаментальных томов серии «Покаяние», охватывающих не только тех, кто был репрессирован на территории Коми АССР, но и тех, кто отбывал здесь (в Воркутинском, Ухто-Печорском и других ИТЛ) свои лагерные сроки, и тех, кто был отправлен сюда на спецпоселение.

В то же время в 10 регионах РФ, – в Приморье, Вологодской, Саратовской, Тамбовской, Воронежской, Костромской, Пензенской, Камчатской областях, в Чувашии, Кабардино-Балкарии – материалы по крайней мере для первых томов Книг памяти давно подготовлены, но не издаются из-за отсутствия финансирования. Кое-где – в

Бурятии, Калининградской, Челябинской областях – эти книги находятся в процессе подготовки.

А в Брянской и Волгоградской областях, Дагестане, Карачаево-Черкесии к подготовке Книг памяти пока и не приступали.

Если говорить об уже вышедших изданиях, то в каждом регионе вопрос о том, кого включать в Книгу памяти, решают по-своему. Одни Книги памяти охватывают только репрессии 1930–1940-х и начала 1950-х годов, в других в списки включены и люди, пострадавшие в 1920-е годы, и отдельные жертвы «красного террора» эпохи Гражданской войны, и некоторые политзаключенные послесталинского периода. В каких-то региональных изданиях единственной основой для включения в перечень является состоявшаяся реабилитация в соответствии с Законом от 18.10.1991 и предшествовавших ему государственно-правовых актов; в других достаточным основанием считается принципиальное соответствие рассматриваемой репрессии формальным условиям реабилитации, установленным Законом; где-то составители исходят из собственных политико-правовых представлений.

В изданные на сегодняшний день Книги памяти Москвы, Санкт-Петербурга, Тюменской области вошли пока только те жертвы репрессий, которые были казнены; в Книгу памяти калмыцкого народа включены лишь те, кто скончался на спецпоселении. Эти решения, как правило, легко объяснимы. Так, гигантские абсолютные цифры репрессий в обеих столицах вынуждают составителей установить хоть какую-то «очередность» в своих рабочих планах, по необходимости многолетних. В Калмыкии же тотальность выселения привела к тому, что если бы в Книгу памяти были включены все депортированные, то это было бы равносильно публикации материалов персональной переписи населения, включая всех калмыков, родившихся в период между 1943 и 1956 гг.

Особенно слабо представлены в совокупности региональных изданий те, кто подвергался политическим преследованиям не в судебном или квазисудебном, а в административном порядке. «Административные репрессии» отражены в разной степени всего в двух десятках изданий. А ведь эти репрессии – ссылки, высылки, спецпереселения, трудмобилизации – охватывали, как мы уже говорили, миллионы людей.

Главной причиной малой представленности административных репрессий в Книгах памяти является то, что запуск процесса реабилитации по этим делам носит заявительный характер: он не проводится государственными органами в обязательном порядке, а инициируется самими пострадавшими или теми, кто представляет их интересы. Соответственно и реабилитация здесь заведомо неполна. Кроме того, если в случае судебной или квазисудебной репрессии основным источником сведений является уголовное дело пострадавшего, то ситуация с теми, кто подвергся административным репрессиям, гораздо сложнее. Свести воедино разнообразные, как правило скудные, находящиеся в разных ведомственных и государственных архивах, разбросанных по разным регионам, документы, содержащие сведения, например, о высланном крестьянине – задача титаническая и почти невыполнимая. Наиболее ус-

пешно эта задача, на наш взгляд, решена в Книгах памяти Читинской области и Хабаровского края.

В целом же, подобно тому, как полнота перечня имен в масштабах СССР невозможно достичь без межгосударственной программы увековечения памяти жертв советского террора, так и в отношении репрессий, происходивших на территории Российской Федерации, нельзя добиться сколько-нибудь заметной полноты перечня без создания широкой государственной или, лучше, государственно-общественной программы увековечения памяти жертв, включающей в себя скоординированную подготовку и выпуск региональных Книг памяти.

Отсутствием общей координации объясняется и отсутствие единых стандартов при составлении справок для Книг памяти. В наших базовых источниках – региональных Книгах памяти – характер записи сильно варьирует: от минимальных, «установочных» данных репрессированных (фамилия, имя, отчество, год и место рождения, место проживания, без указаний даже, какая именно репрессия была применена) до биографического очерка, носящего порой почти энциклопедический характер. Это, в свою очередь, зависит от многих вещей: какие источники были доступны составителям, какими из этих источников они предпочитали пользоваться, какие сведения о человеке и о том, что с ним сделали, считали первостепенными.

Дело, конечно, не только в том, что очень часто наличествующие биографические данные оказываются всего лишь «отходами» процесса реабилитации, но и в неполноте и до некоторой степени неточности самих архивных источников. Даже когда речь идет о судебной репрессии и сведения восходят к архивно-следственному делу, содержащему, как правило, все нужные данные, мы рискуем получить не вполне точную картину. Например, в архивно-следственном деле чаще всего указывается последнее место работы перед арестом, но человека часто увольняли с его основной работы еще до ареста, и он вынужден был зарабатывать чем придется. В результате профессор русской словесности может быть представлен в деле как помощник библиотекаря в районном Доме культуры, или учетчик на складе и т.п. Неточности и несовпадения с семейной памятью возможны в дате ареста, часто оформлявшегося задним числом, в исковерканном написании в архивно-следственном деле места рождения или домашнего адреса арестованного, в других данных.

В случае административных репрессий получить информацию даже анкетного характера еще труднее. Достаточно сказать, что во многих документах, связанных с раскулачиванием и депортацией, основной единицей учета является не отдельный человек, а семья в целом.

И последнее. Иногда в различных Книгах памяти повторяются одни и те же имена. Такое дублирование может возникнуть, например, из-за того, что в одном регионе человек попал в список потому, что он здесь жил и здесь его репрессировали, а

в другом – потому, что сюда он был сослан на спецпоселение. Кроме того, в последние годы в целый ряд Книг памяти стали включать имена земляков – людей, родившихся в данном регионе, а репрессированных в другом. При этом в качестве источника используются не архивно-следственные дела, а данные из Книг памяти тех регионов, где человек был подвергнут репрессии, иногда информация берется из предыдущих изданий нашего диска. Этот подход несомненно оправдан с краеведческой точки зрения, но приводит к дублированию информации в нашем издании. Когда мы сводили воедино справки из различных региональных Книг памяти, то лишь частично смогли исключить повторяющиеся имена – сделать это полностью у нас просто не было физической возможности. Эта работа не поддается полной автоматизации, так как иногда в «дубликатных» записях содержится дополнительная информация. Заметим, впрочем, что разные записи, в которых речь идет об одном и том же человеке, далеко не всегда являются «дубликатами»: довольно часто это записи о разных репрессиях, которым этот человек подвергался в разные годы.

Некоторые Книги памяти, вышедшие в последние годы, к сожалению, вообще не удалось включить в наш диск из-за неунифицированного формата статей. Приведение таких статей к общему формату, вычленение необходимых сведений и поиск недостающих данных потребовали бы в каждом случае индивидуальных исследований, проведение которых требует длительного времени. Мы просим прощения у всех тех, чьи материалы по вышеуказанным причинам мы не сумели интегрировать в общую базу.

В то же время при подготовке нового издания диска «Жертвы политического террора в СССР», мы включили в него не только материалы вновь вышедших в разных регионах Книги памяти, но и данные из целого ряда дополнительных источников. Особенно хотелось бы отметить здесь:

- сведения о жертвах административных репрессий, полученные от информационных центров Управлений внутренних дел по всей России через отдел реабилитации ГИАЦ МВД РФ – более 750 тысяч имен из 60 субъектов Федерации;
- данные о разных категориях жертв репрессий из регионов, где Книг памяти еще нет: Бурятии, Дагестана, Ингушетии, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, Чувашии, из Приморского края, Вологодской, Воронежской, Калининградской, Камчатской, Костромской, Пензенской, Саратовской, Тамбовской, Челябинской областей;
- материалы еще не вышедших очередных томов Книг памяти из Белгородской, Астраханской, Тверской областей и из Санкт-Петербурга,
- материалы реабилитационного производства Прокуратуры Москвы за последние десять лет (около 20 тыс. имен);
- данные о репрессированных москвичах, переданную нам газетой «Московская правда» (около 15 тыс. имен):

■ сведения о жертвах репрессий, предоставленные Белорусским «Мемориалом» (около 80 тысяч справок);

■ 6,5 тысяч справок о немцах-трудармейцах от проекта «Возвращенные имена» (Нижний Тагил);

■ более 25 тысяч имен спецпоселенцев от Одесского Академического центра.

Кроме того, включены сведения из собственных баз данных нескольких региональных организаций Международного общества «Мемориал»: прежде всего, Томской, Красноярской, Санкт-Петербургской, Пензенской, Пермской, Московской.

Общее число справок, восходящих к базам данных «Мемориала», составляет, конечно, небольшую долю от массива имен, аккумулированных на диске. Однако, благодаря наличию у «Мемориала» ряда целенаправленных исследовательских проектов, в этих справках достаточно репрезентативно отражены некоторые категории репрессированных, обычно слабо представленные в региональных изданиях (например, российские социалисты и анархисты, которых власть упорно и непрерывно преследовала в течение десятилетий, а также осужденные по «идеологическим» статьям Уголовного кодекса после 5 марта 1953 г.).

Форматы, количество и качество информации в предоставленных нам материалах существенно различались, что ставило перед нами серьезные технические проблемы. К сожалению далеко не во всех случаях в нашем распоряжении была электронная версия Книг памяти или соответствующая база данных. Значительную часть материала (20–25%) нам пришлось сканировать. И хотя мы старались максимально исправить погрешности распознавания, часть ошибок наверняка ускользнула от нашего внимания. Всю собранную информацию, весьма разнородную как по составу биографических сведений, так и по форме подачи, необходимо было свести к единой табличной форме, чтобы сделать возможной хотя бы минимальную поисковую работу. Не всегда нам это в полной мере удалось. Мы заранее приносим глубокие извинения за все ошибки и несообразности, которые могут встретиться в нашем издании. Надеемся, что в будущем нам удастся их устранить.

БЕЗ УСИЛИЙ СОТЕН ЛЮДЕЙ
И МНОГИХ ОРГАНИЗАЦИЙ, СОБИРАВШИХ ПЕРСОНАЛЬНУЮ
ИНФОРМАЦИЮ О ЖЕРТВАХ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЙ В СССР,
ДАННАЯ РАБОТА НЕ МОГЛА БЫ БЫТЬ ВЫПОЛНЕНА.

**Мы признательны нашим
зарубежным коллегам:**

■ **в Казахстане** списки нам предоставили Комитет национальной безопасности РК (М.Жакеев), общество «Адилет» (С.Р.Айтмамбетова, О.Б.Харламова), Ассоциация жертв незаконных репрессий г. Астаны и Акмолинской области (В.М.Гринев); благодарим также В.В.Горещкого и Г.Н.Карсакову (Караганда);

■ **в Белоруссии** – базу данных предоставил Белорусский «Мемориал» (И.Кузнецов, Л.Андросик, В.Арешко), в подготовке участвовало также общество «Диариуш»

■ **на Украине** – фрагмент базы данных о жертвах репрессий Одесской области и списки спецпоселенцев предоставил Одесский академический центр (Л.В.Ковальчук, Г.А.Разумов); в Харькове списки были подготовлены Г.Ф.Коротяевой, нам они предоставлены Харьковской правозащитной группой (Е.Е.Захаров); электронную версию Книги памяти г. Мариуполя предоставила Г.М.Захарова («Мемориал»).

■ **в Узбекистане** списки подготовили сотрудники Фонда и Музея «Шахидлар Хотирасы» («Памяти жертв репрессий»), руководитель проф. Н.Ф.Каримов.

Мы особенно признательны поддержавшим проект министру внутренних дел России Р.Г.Нургалиеву и заместителю министра А.А.Чекалину.

Мы искренне признательны руководству отдела реабилитации ГИАЦ МВД РФ (В.В.Козин, А.И.Бирюкова), которые организовали взаимодействие проекта с региональными информационными центрами МВД РФ.

Благодарим всех архивистов ФСБ России, участвовавших в работе над региональными Книгами памяти, и руководителя архивной службы ФСБ РФ В.С.Христофорова.

Выражаем благодарность администрациям многих регионов России, откликнувшимся на нашу просьбу о присылке материалов: республик Бурятия, Дагестан, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия; Астраханской, Белгородской, Иркутской, Кировской, Костромской, Псковской, Ростовской, Челябинской, Читинской областей.

Пользуемся случаем искренне поблагодарить организации, материалы которых включены в наше издание: газету «Московская правда», многие годы уделяющую постоянное внимание теме репрессий и публикующей списки жертв, Государственный архив РФ, архивную службу Республики Ингушетия, государственные архивы Республики Чувашия, Алтайского края, Курганской, Нижегородской, Свердловской и Тамбовской областей, прокуратуры города Москвы, Республики Мордовия, Архангельской и Ульяновской областей, архивы и информационные центры управлений внутренних дел, комиссии по восстановлению прав реабилитированных г.Москвы, Астраханской, Владимирской, Самарской, Ярославской и многих других областей; редакции Книг памяти республик Карелия, Коми, Татарстан, Белгородской, Омской, Псковской, Тверской областей, отделения Общества «Мемориал» в Хакасии, Воронеже, Краснодаре, Красноярске, Миассе, Омске, Пензе, Перми, Рязани, Санкт-Петербурге, Саратове, Сыктывкаре, Тамбове, Томске, Туле, Чебоксарах.

МЫ ВЫРАЖАЕМ САМУЮ ИСКРЕННЮЮ ПРИЗНАТЕЛЬНОСТЬ МНОГИМ ЛЮДЯМ И ОРГАНИЗАЦИЯМ В РОССИИ, ВСЕМ ТЕМ, КТО ПО ДОЛГУ СЛУЖБЫ ИЛИ ПО ВЕЛИКОМУ ДУШИ ЗАНИМАЕТСЯ ПОДГОТОВКОЙ КНИГ ПАМЯТИ, ИЛИ ИНОЙ РАБОТОЙ, СВЯЗАННОЙ С УВЕКОВЕЧЕНИЕМ ПАМЯТИ ЖЕРТВ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЙ. БЕЗ ИХ ТРУДА ЭТОТ ДИСК НЕ БЫЛ БЫ СОЗДАН.

Нам помогли и предоставляли материалы:

П.И.Чепкин (Республика Алтай),
М.Х.Куркиева (Ингушетия),
Н.И.Лафишева, А.А.Хашева, Э.П.Хапова,
С.В.Турчина (Кабардино-Балкария),
Л.Б.Шалданова, А.С.Романов (Калмыкия),
Ю.А.Дмитриев (Карелия),
М.Б.Рогачев, И.В.Сажин (Коми),
Ф.П.Сараев (Мордовия),
М.В.Черепанов (Татарстан),
Н.С.Абдин (Хакасия),
Е.П.Дроздовская, Г.В.Ертмакова, А.Е.Краснова,
В.Г.Ткаченко (Чувашия),
Г.Д.Жданова (Алтайский край),
Э.П.Черняк, С.А.Кропачев
(Краснодарский край),
А.А.Бабий (Красноярский край),
Н.А.Шабельникова (Приморский край),
М.А.Устинова (Ставропольский край),
В.Д.Куликов, А.П.Лавренцов,
М.М.Таран (Хабаровский край),
Л.М.Журавлев (Амурская область),
О.И.Корытова (Архангельск),
Ю.С.Смирнов (Астрахань),
Ю.Ю.Вейнгольд (Белгород),
А.И.Семенов (Владимир),
С.Н.Цветков (Вологда),
В.И.Битюцкий, К.Б.Николаев (Воронеж),
А.Л.Александров (Иркутск),
Е.И.Смирнова (Калининград),
Н.П.Мониковская, Ю.И.Калиниченко (Калуга),
В.И.Шарипова (Тверь),
К.Е.Казанцев (Кострома),
А.Ф.Васенёв (Курган),
А.А.Медведева,
В.А.Харламов (Ниžний Новгород),
Н.А.Ольшанский,
Н.Н.Трабер (Великий Новгород),
С.А.Красильников,
С.А.Папков (Новосибирск),
М.А.Сбитнева (Омск),

Т.Я.Алфертьева (Пенза),
А.М.Калих, А.Б.Суслов (Пермь),
И.В.Бельтюкова (Псков),
А.Ю.Блинушов, Е.Макаренко (Рязань),
А.Г.Косякин, Л.С.Дельцов, А.Д.Никитин,
В.М.Селезнев (Саратов),
Т.П.Трофимова (Свердловск),
В.М.Кириллов (Ниžний Тагил),
А.А.Забелин, Е.В.Кодин (Смоленск),
Н.М.Бородулин, Т.А.Кротова,
Г.И.Ходякова (Тамбов),
Е.И.Кравцова, И.Г.Дядькин (Тверь),
Б.П.Тренин, В.А.Ханевич,
Ю.В.Яковлев (Томск),
С.Л.Щеглов (Тула),
С.А.Хрулев (Ульяновск),
С.В.Костина (Миасс Челябинской области),
Г.А.Жохова (Ярославль),
Б.И.Беленкин, Г.О.Бувина, Н.С.Васильева,
Е.М.Великанова, А.Г.Гладышева,
Л.А.Головкова, М.В.Грант, В.А.Гринчук,
М.И.Губина, А.Э.Гурьянов, Н.Н.Данилова,
Л.А.Должанская, Л.С.Еремина, Й.Зигерт,
Д.Б.Зимин, И.В.Ильичев, Г.В.Иорданская,
К.Г.Каледа, А.Г.Козлова, В.М.Корендюхина,
Г.В.Кузовкин, А.Г.Лурье, Т.В.Львович,
А.А.Макаров, В.Г.Макаров, Н.А.Мальхина,
Т.В.Мельникова, С.В.Мироненко,
К.Н.Морозов, А.П.Ненароков, Л.Г.Новак,
И.И.Осипова, И.С.Островская, А.Г.Паповян,
Н.М.Перемышленникова, Н.В.Петров,
А.З.Рачинский, Г.Н.Селезнева, Т.А.Семенова,
Т.С.Сергеева, А.В.Соколов, А.К.Сорокин,
А.С.Степанов, В.А.Тиханова, Н.А.Ушацкая,
В.С.Христофоров, С.Н.Цибульская,
С.А.Чарный, Е.Л.Чуракова, Г.С.Шведов,
В.А.Шенталинский, Л.А.Щербакова (Москва),
Н.М.Балацкая, А.В.Кобак, Т.В.Моргачева,
И.А.Флиге (Санкт-Петербург),
А.В.Дубовик (Днепропетровск, Украина).

Кроме базы данных о жертвах репрессий мы посчитали необходимым включить в наше издание описание всех Книг памяти, вышедших к настоящему моменту. Дополнения к указателю, который был включен в предыдущее издание, подготовлены центром «Возвращенные имена» в Санкт-Петербурге и любезно предоставлены для нашего издания А.Я.Разумовым. Им же переданы электронные версии книг «Ленинградский мученик, 1937–1938» (биографические справки готовящихся к изданию томов 6–8 и словники томов 9–11), ряд материалов Книг памяти Северо-Запада России.

Четвертое издание компакт-диска
«ЖЕРТВЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО ТЕРРОРА В СССР»
включает почти вдвое больше
персональных справок, чем предыдущее.

ИЗДАНИЕ ПОДГОТОВЛЕНО

Международным
историко-просветительским,
благотворительным
и правозащитным обществом
«Мемориал»

при содействии
Уполномоченного
по правам человека в РФ

в сотрудничестве
и при поддержке

Объединенной
демократической
партии «Яблоко»

Международного
фонда
им. Д. С. Лихачева

ФОНД ЛИХАЧЕВА

Швейцарской программы
по развитию
и сотрудничеству

Руководитель проекта – Я.З.Рачинский.
Научный руководитель – А.Б.Рогинский.
Программное обеспечение

– В.А. Крахотин.

Консультирование – А.Ю.Даниэль,
Н.Г.Охотин.

Координация – Е.Б.Жемкова, Н.Б.Мирза.
Художник – А.А.Кулаков.

Замечания и вопросы просим
присылать по адресу:
127051, Москва, Малый Каретный пер.,
д.12. Общество «Мемориал», проект
«Жертвы политического террора в СССР».
E-mail: nirc@memo.ru
Тел. 650-78-83, факс 609-06-94

Издание 4-е,
переработанное и дополненное
Диск бесплатно рассылается
в организации, занимающиеся
проблемами реабилитации
и увековечения памяти жертв
террора, в областные
и университетские библиотеки

Издательство «Звенья»
Москва, 2007
© составление,
Международный Мемориал, 2007